

КАЛЕБ

— Я не влюблен в Эви Бэкхем.

Мне бы и хотелось подчеркнуть это еще больше, но мы с Лео уже двадцать минут носимся челночным бегом, так что я едва могу говорить, не то что с каким-то нажимом. Я падаю на землю и откидываюсь на спину.

— Рано остановился, — говорит Лео, сверяясь с часами.

У него как раз в разгаре футбольный сезон, но я-то питчер, а до бейсбола еще месяцы и месяцы. Я здесь только ради Лео — чтобы он не тренировался один. Не дело переносить такие пытки в одиночку. И несмотря на жгучую боль в легких, я был совсем не против этой тренировки, пока Лео не заговорил об Эви.

— Продолжай, я тебя не держу, — говорю я ему.

Но Лео садится рядом со мной.

— Вы с Эви все время вместе.

— Мы друзья, — говорю я, хотя это еще слабо сказано.

Мы с Эви не разлей вода. Когда нам было пять, она посреди зимы пришла из садика к запертому дому, потому что ее рассеянные родители (математик и психолог) просто забыли, что у них есть дочь. Мои мама с папой ее спасли, и с тех пор мы были неразлучны.

Почти четыре года назад она уговорила меня податься в академию Ньютона, в школу-интернат с дичайшим отбо-

ром и уклоном в математику и физику. Здесь мы и учимся: она, я и Лео. Я согласился только потому, что считал, будто у меня нет шансов. В отличие от Эви, которая сдала отборочный экзамен за половину отведенного времени. Наверное, ее выпендрез повысил мои шансы, напугав всех остальных до чертиков, — а я-то ничего другого от нее и не ждал.

Когда, к моему удивлению, мы оба получили письма о зачислении, я пытался отговорить Эви от поступления. Она нарисовала мне прелестную картинку, как мы целыми днями будем кодить и мастерить роботов. Но я не хотел бросать семью в Висконсине ради школы в штате Иллинойс, в которой учатся почти одни мальчишки, где придется носить форму и упухиваться в хлам. Я хотел плыть по течению все старшие классы вплоть до неизбежного выпускного. Пускай Эви когда-нибудь получит Филдсовскую премию по математике — за английский ей никогда выше четверки не поставят.

Но Эви распахнула свои большие серые глаза, положила мне ладонь на предплечье и сказала: «Пожалуйста?» Ну и через полгода я уже собирал вещи. Не то чтобы я жалел. В нашей школе я бы и сам мог учить народ кодить, а вот тут наш наставник прямо всерьез работал на «Майкрософт».

— Думаешь, у меня есть шанс? — спрашивает Лео, прерывая поток моих мыслей.

— Возможно, — говорю я, но про себя думаю: «Нет».

Эви не фанатка новых впечатлений. Она ест около двенадцати видов пищи (половина из них бежевого цвета), не любит разговаривать с незнакомцами и в свои семнадцать до сих пор так боится учиться кататься на велике, что дома

ездит в библиотеку на скутере. Эта ее привычка и бесит, и умиляет.

Пока Эви не выказывала абсолютно никакого интереса к свиданиям и отбивала охоту у всех, кто предлагал, безжалостно и эффективно.

Типичный разговор на эту тему обычно выглядит примерно так:

Гейб: Не хочешь кино посмотреть?

Эви: Не люблю кино. Как только я понимаю, кто все эти люди, фильм заканчивается.

Гейб: Ну, смысл-то, по сути, не в кино.

Эви: Сейчас я буду делать физику.

Как по мне, это просто уморительно, но жертв ее беззастенчивых отказов это явно не забавляет.

— Почему Эви? — спрашиваю я Лео. Я просто ее защищаю.

Как брат.

Или кузен.

Или сознательный гражданин безо всяких там семейных отношений.

Лео на минуту затихает. Потом говорит:

— Мне нравится, что она думает куда больше, чем говорит, и никогда не уступает профессору Льюису. А как Эви закусывает губу, когда решает задачку! Моя оценка по физике упала на четыре балла, когда я это заметил.

Тут уж я не могу привести никаких разумных возражений. Никаких намеков на то, что Эви — просто сложный уровень в видеоигре, который он хочет разблокировать первым.

— Если тебе правда неинтересно, можешь поговорить с ней обо мне? — спрашивает Лео.

Он не первый, кто просит помочь со взломом кода Эви, но я отказываю своим одноклассникам в техподдержке. Мне нравится смотреть, как они обламываются.

Ведь давайте признаем.

Я по уши влюблен в Эви Бэкхем.

ЭВИ

Вот истории из моего детства.

Георг Кантор, создатель теории множеств, долгое время был заперт в стенах приюта для душевнобольных.

Курт Гёдель сформулировал две из самых известных математических теорем и умер от голода, когда его жена заболела, потому что отказывался есть то, что готовил кто-то, кроме нее.

А Джон Нэш, работавший с теорией игр, потерялся в собственной голове.

Я могла бы перечислять и дальше, но, когда мы с Анитой виделись в последний раз, она сказала, что я должна перестать заикливаться на злосчастных математиках. И что фиксация на их проблемах — это непродуктивно. Вот бы моей маме кто так сказал.

Сегодня Анита приглашает меня войти прежде, чем я успеваю начать делать домашку. Гостиную в доме начала века превратили в кабинет психотерапевта. Там даже есть кушетка, на которую можно улечься, и застекленные двери, через которые можно выйти, чтобы не встречаться с другими пациентами. Вроде бы такая система должна защищать мою частную жизнь, но у меня это вызывает лишь ощущение, что я должна стыдиться своих визитов.

Единственное утешение — сама Анита. У нее широкая улыбка, буйные кудряшки с проседью, и она больше похо-

жа на тетушку, чем на врача. Это первый психотерапевт, которого я нашла сама.

Мама, написавшая диссертацию о связи душевных болезней и математического гения, считает мои визиты превентивными мерами. Когда я поступила в Ньютон, она выбрала мне психиатра. Но в прошлом году я ушла от него, так как сеансы стали тревожить меня больше, чем их отсутствие.

— Как дела? — спрашивает Анита, ставя стул перед застекленными дверями. Ведь я отказываюсь ложиться на эту нелепую кушетку.

— Мы с Бекс подали заявления в Чикагский университет.

Мы подались, потому что меня там интересует классная кафедра теоретической физики, а Бекс — потрясающий конкурс на факультет медицины. Мы будем учиться вместе, и благодаря этому я паникую чуть меньше.

— А Калев? — улыбается Анита.

— Все еще думает.

— Ты бы спокойно восприняла его отъезд куда-то далеко?

Я думаю над ответом.

— Он не уедет.

— Как ты в этом уверена, — замечает она.

Так и есть.

Имя моим страхам — легион. Они все нормальные: я боюсь восьминогих тварей, замкнутых пространств, публичных выступлений и чересчур восторженных учителей начальной школы. Но есть еще и необычные: лягушки (почему у них так сгибаются лапы?), мосты, пустые бассейны,

полные рестораны и желе (что трогать, что есть; и Калеб говорит, что это совершенно разумный страх).

Но я не боюсь, что Калеб поступит в какой-то другой колледж.

— Мы всю жизнь дружим.

Простота этого заявления не способна вместить в себя все, что я имею в виду, но я не знаю, что добавить.

— Иногда друзья перестают общаться, — замечает Анита.

— Только не мы, — говорю я, но мне не нравятся нотки сомнения в ее голосе.

— Надеюсь, что так. Но, возможно, тебе стоит слегка расширить свой круг общения. Подружиться с кем-то помимо Бекс и Калеба. Лучше пробовать знакомиться с другими людьми, пока ты чувствуешь себя в безопасности.

— Но люди скучные.

— Ты ходишь в школу, где учится сто двадцать человек, одаренных в сфере математики и точных наук, — говорит Анита. — Найди парочку тех, кто будет стоять потраченного времени.

В конце мы рассматриваем все, что стриггерило меня на этой неделе. Раньше врачи работали над моей тревожностью только с помощью когнитивной поведенческой терапии и лекарств. Но Анита копнула глубже и помогла мне понять, что моя тревожность — не только порождение моего мозга. Она научила меня термину «ситуативная тревожность» и помогла понять, что взросление в моем родном городе — это та еще ситуация.

С ее помощью весной я слезла с таблеток. Я благодарна за то, что они сделали меня лучше, но мне больше не нужно

принимать их каждый день. Мама не до конца верит, что это правильный путь, но Анита напоминает мне, что я сама себе начальница.

— Продолжай, ты молодец, — говорит она, когда сеанс заканчивается, и я выхожу через двери позора.

Идти обратно в Ньютон по яркому октябрьскому солнышку недолго. Территория школы прилегает к университетскому кампусу. Она усыпана огромными бетонными статуями мифических зверей — единорогов, драконов и морских змеев. Я всегда думала, что это странный выбор для школы с уклоном в точные науки. Главное здание выполнено в готическом стиле, хотя ему нет и десяти лет. Стекланные панели покрыты искусственными трещинами и освинцованы, чтобы выглядели старыми. Кaleb говорит, это чтобы брать больше денег за учебу, хотя это и нелогично. Но я привыкла доверять ему в таких вещах.

Общежитие, более прозаичное строение, соединяется коридором с главным холлом и скрыто из виду. В нем три этажа с комнатами-однушками. Девочкам отведен верхний этаж, а значит, их в два раза меньше, чем мальчиков. В приемной комиссии говорят, что это отражает соотношение мальчиков и девочек среди абитуриентов. Бекс относится к этому скептически.

Я открываю дверь и вижу Бекс: она сидит, скрестив ноги, на моей постели, а вокруг разложены записи по биологии. Сегодня она выглядит как принцесса гиков. На ней белая рубашка на пуговицах, кобальтово-синий вязаный жилет и плиссированная клетчатая юбка в цветах Ньютона — синий, черный, серый. Каштановые волосы завязаны в высокие хвостики, а на носу — большие очки

в толстой черной оправе. Завтра, несмотря на дресс-код, она будет выглядеть совершенно иначе.

Я ношу практически одно и то же каждый день: черное худи, синюю футболку и плиссированную клетчатую юбку. Бекс считает, что правила по форме в Ньютоне — это как правила сонета: для большинства — ужас, но в руках настоящего поэта — магия. (Я считаю все сонеты ужасными.)

Бекс — младшая дочь дико популярного телепроповедника, любимого народом из-за его политики и латиноамериканского происхождения: с ним его зрители, почти все белые, не чувствуют себя такими расистами. Бекс фактически шантажом заставила родителей позволить ей поехать в Ньютон. В случае отказа она угрожала делать нечто более неприличное, чем посещение академии по физике.

Я вешаю пальто и сумку на крючки у шкафа, кладу на край стола блокнот и фломастеры и пробегаю по ним пальцем, чтобы их выровнять. (Я не боюсь беспорядка. Он мне мерзок. Как зерненный творог.)

— Я хотела спросить, как там твой психоз, но над ним еще явно надо поработать, — говорит Бекс.

— Стремление к порядку — это не болезнь. — Я со значением смотрю на ее бумажки.

Она собирает их в стопки.

— А почему ты вообще здесь? И как ты вошла?

Она наклоняет голову, хлопает ресницами и с придыханием говорит:

— Эван, я оставила учебник по биологии в комнате у Эви, и если я его сейчас же не верну, то завтра провалю контрольную.

Я фыркаю. Чтобы она провалила контрольную по биологии, Бекс должна наковальня на голову упасть. Но она такая красивая, что ее постоянно недооценивают. Эван, студент колледжа, который работает у нас на этаже завхозом, — один из многих поклонников Бекс. Он бы ей не только ключ от всех дверей отдал, но и мой ноутбук, если бы она попросила.

— А ты никогда не думала, что твои большие карие глаза и глубокие ямочки на щеках — это несправедливое преимущество?

— Да, Эви... Я — женщина-латинос и занимаюсь наукой, я каждый день думаю о своих несправедливых преимуществах, — отвечает она. — Захочешь разыграть карту «английской красавицы» — я всегда готова помочь.

Я унаследовала внешность от отца-британца: темно-русый цвет волос, серые глаза и бледную кожу. От матери мне достался невысокий рост, волосы, выющиеся на концах, и некоторое разочарование в большинстве людей на земле.

Сев рядом с Бекс, я повторяю вопрос:

— Почему ты здесь?

Не то чтобы Бекс никогда не заседала в моей комнате, но она знает, что я дорожу личным пространством. Я люблю свои вещи, а больше всего — огромную белую доску, на которой сейчас яркими цветами расписана моя работа, и я не хочу ею делиться.

— От родителей пришел запоздалый подарок на день рождения. — Она протягивает мне маленькую коробочку. Внутри лежит широкое серебряное кольцо. Простое, но красивое. Я смотрю на нее, и она кивает: — Прочти.

На внутренней стороне кольца — крохотная надпись курсивом: «*Вы не свои*».

Я не знаю, что это значит, но все равно у меня мурашки.

— Это из Библии, — говорит Бекс. — Это значит, что твое тело не принадлежит тебе. Это типа кольцо чистоты. Когда они разрешили мне сюда поехать, я обещала, что не буду ни с кем встречаться, но, кажется, они поняли, что я сомневаюсь.

Иногда я задумываюсь, кто травмирован больше: Бекс, чей отец воспринимает так много самых скверных отрывков из Библии буквально, или я, чья мать считает, что DSM-5 (официальное руководство по всем психическим расстройствам) — это справочник для родителей.

Я захопываю коробочку и убираю в ящик стола.

— Будет нужно, когда поедешь домой, тогда и возьмешь, — говорю я. — Пошли за печеньем.

Пекарня «Лунный луч» решает все наши проблемы, большие и маленькие. Я все время беру одно и то же — шоколадное печенье с шоколадной крошкой, а Бекс просит неизменно странный десерт месяца — сейчас это апельсиново-ананасовое печенье, что, наверное, говорит все, что нужно о нас знать.

Мы идем обратно в Ньютон с печеньем, завернутым в коричневую бумагу.

Доев, Бекс говорит:

— Можно задать тебе вопрос?

— Какой угодно.

— Что это за рисунки у тебя на доске?

Я с удивлением поворачиваюсь к ней. Вот этого я совсем не ожидала.

— Обычно у тебя там полно уравнений, но сегодня — какие-то безумные картинки.

Ее взгляд блуждает по моему лицу, и я смотрю на нее в ответ, ища в вопросе скрытый смысл.

Порой мне сложно читать эмоции других, хотя чем лучше я знаю человека, тем это проще. Бекс весьма прагматично относится к этому дефекту: она часто объясняет мне эмоции, мелькающие на лицах окружающих, и называет это «эмоциональными субтитрами». Но когда я пытаюсь читать ее саму, это не помогает.

Наконец, слово «безумные» наводит меня на мысль. Она беспокоится: вдруг эти рисунки на доске связаны с моей тревожностью.

— Это адинкра, — говорю я, пытаюсь ее успокоить.

— Ты же понимаешь, что это не ответ?

— Тебе подробно объяснять?

Она кивает, и я приступаю:

— Первые символы адинкра — это символы, обозначающие понятия, они были распространены в Гане. Что-то вроде иероглифов: много информации вложено в один маленький рисунок. Вот! — Я достаю телефон и показываю квадрат, нарисованный вокруг чего-то, похожего на песочные часы с полосками. — Это значит «дом, устойчивый против ветра», символ силы перед лицом предательства.

— А вот этот, большой, наверху на доске — повернутая геральдическая лилия?

Я улыбаюсь.

— Это мой любимый. Означает «курица наступает на цыплят, но не убивает». Совет для родителей: лелей, но не балуй.

— Девиз семьи Бэкхем, — говорит Бекс.

— Ну почти, — соглашаюсь я.

— Почему они тебе так интересны?

— Потому что это гениально, — говорю я. — Можно составлять математические символы адинкра.

— Те, что ты нарисовала, похожие на звездолеты? — спрашивает Бекс.

— Да. Черные и белые точки, разные цвета, пунктир и сплошные линии — все это можно использовать в качестве шифра. И запишать кучу уравнений в один рисунок.

— А зачем это тебе?

— Так можно моделировать очень сложные вещи.

— То есть ты не превращаешься в ньютоновского Унабомбера?

— Нет, что ты.

Мне лень называть ей его имя и рассказывать о его математической эрудиции, хотя мне известно и то и другое.